

MASLODUDOVA Natalya Vladimirovna, *Cand.Sci.(Philos.)*, Associate Professor of Siberian Law Institute of the Federal Drug Control Service of the Russian Federation (20, Rokossovsky St, Krasnoyarsk, Russia, 660131; nata.maslodudova@yandex.ru)

SHINKEVICH Vladimir Yefimovich, *Dr.Sci.(Soc.)*, Professor of Siberian Law Institute of the Federal Drug Control Service of the Russian Federation (20, Rokossovsky St, Krasnoyarsk, Russia, 660131; vlshink@yandex.ru)

POLITOLOGICAL ANALYSIS AND CONTEMPORARY VISION OF THE ISSUE OF THE BEST POLITICAL REGIME AND FORM OF GOVERNMENT CHOICE

Abstract. The article considers the main ideas of thinkers of the ancient world, the Middle Ages, Modern and Contemporary times about the best political regime and the form of government that are completely meet the requirements of population and the society on the whole. The peculiarities of perception of the west image of democracy by Russians are discovered, reflections on the phenomenon of democracy in contemporary Russia are given. Special attention is paid to the necessity of the development and improvement of democratic achievements.

Keywords: political regime, form of government, democracy, democracy in contemporary Russia

---

БАРАНЕЦ Наталья Григорьевна — д.филос.н., доцент; профессор кафедры философии, социологии и политологии Ульяновского государственного университета (432017, Россия, г. Ульяновск, ул. Л. Толстого, 42; n_baranetz@mail.ru)

ВЕРЕВКИН Андрей Борисович — к.физ.-мат.н., доцент; доцент кафедры алгебро-геометрических вычислений Ульяновского государственного университета (432017, Россия, г. Ульяновск, ул. Л. Толстого, 42; a_verevkin@mail.ru)

МАРАСОВА Светлана Евгеньевна — аспирант кафедры философии, социологии и политологии Ульяновского государственного университета (432017, Россия, г. Ульяновск, ул. Л. Толстого, 42)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА

Аннотация. Статья посвящена анализу памяти научного сообщества. В работе обоснована эвристичность понятий коммуникативной, культурной и исторической памяти научного сообщества для описания процессов формирования коллективной памяти ученых. Предложена типологизация сюжетов, воспроизводимых в исторической памяти научного сообщества, и выявлены основные типы персонажей памяти научного сообщества. Описаны идеологические предпосылки исследований отечественной истории науки. Показана консолидирующая роль В.И. Вернадского и поддерживающих его ученых (М.А. Блоха, А.В. Васильева, А.С. Лаппо-Данилевского) в организации историко-научных исследований.

Ключевые слова: память научного сообщества, историческая и культурная память научного сообщества, историческая рефлексия, сциентизм, либерализм, научный прогресс

Механизм формирования памяти общественных групп стал предметом целенаправленного исследования только в последнее десятилетие, хотя концепция коллективной памяти общества была сформулирована Эмилем Дюркгеймом еще в начале XX в., а основополагающая книга Мориса Хальбвакса «Коллективная память» была опубликована в 1950 г. Хальбвакс описал то, как общественные группы создают и воспроизводят образцы толкования событий, тем самым конструируя свою коллективную память. Внимание историков и эпистемологов к понятию «историческая память» было привлечено в 1990-е гг. египтологом Яном Ассманом. Его книга «Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности» (Мюнхен, 1992) положила начало новому научному направлению — *memory studies*.

Ассман разделил понятия коммуникативной и культурной памяти. Коммуникативная память включает воспоминания о недавнем прошлом — память поколения, обобщающую личный опыт современников событий и нескольких последующих поколений. Такой опыт обычно передается в устной традиции. В культурной памяти, напротив, фиксируются наиболее значимые события отдаленного прошлого, имеющие сакральное значение для сообщества. Причиной интереса к теме исторической и культурной памяти было изменение исследовательских приоритетов в исторической науке [Ассман 2004]. Во второй половине XX в. произошел переход историков от социально-структурной истории к истории ментальностей. Жак Ле Гофф определил направление исследований в культурно-интеллектуальной истории последней четверти века — это история интеллектуальной жизни (навыков мышления), история ментальностей (культурных стереотипов, символов, мифов в обыденном сознании), история ценностных ориентаций.

В связи с осознанием феноменов социальной, культурной и исторической памяти открывшаяся исследовательская перспектива сегодня привлекает историков, психологов, социологов и культурологов [Репина 2003: 12-13]. Стали активно изучаться такие направления, как культурная память и проблемы историографии, историческая память и идентичность социальных общностей, возможности манипулирования исторической памятью, взаимовлияние индивидуальной и коллективной памяти. Начался процесс институционализации исследований в этом концептуальном поле: например, издается международный журнал *History and Memory*, создаются центры по изучению исторического сознания.

До самого последнего времени научное сообщество и его историческая память не были предметом специальных исследований в контексте *memory studies*. Но, конечно же, отдельные исторические и концептуальные аспекты функционирования памяти научного сообщества поднимались в эпистемологии, науковедении, истории и социологии науки. В работах о памяти научного сообщества присутствует содержательная неопределенность понятий. Исследователи наполняют собственными смыслами свои рабочие концепты исторической, коллективной и культурной памяти. Зачастую эти понятия используются как синонимы или по ходу исследований расширяются и поглощают друг друга. Мы предлагаем следующие определения для описания феномена коллективной памяти научного сообщества.

Память — это опыт социальной группы, пережитый ее участниками, хранящийся в виде образов событий, первоначально зафиксированных в устной и мемуарно-эпистолярной традиции, после обработки транслируемый потомками в исторических текстах. Память обеспечивает самоидентификацию индивида в сообществе. В ней избирательно сохраняется и транслируется актуальная для данного сообщества информация.

В *коллективной памяти научного сообщества* мы выделяем культурный, исторический и коммуникативный компоненты. Представляя память научного сообщества, следует учитывать ее источники и распространенность, механизмы поддержания и трансляции, объем и содержательную насыщенность.

Культурная память научного сообщества состоит из образов событий, значимых для становления всего научного сообщества, представленных в форме культурных и нормативно-этических стереотипов, символов и мифов, системы памятных дат, церемоний, письменных и монументальных памятников. Культурная память дискретна, воспоминания и образы прошлого локализуются вокруг личностей ученых, чья деятельность приобрела символическое значение для всего мирового или национального научного сообщества. Она передается на уровне выполнения церемоний, ритуалов и традиций, культивируемых в научных группах, имеет неотрефлексированную, мифологизированную форму.

Коммуникативная память научной группы в дисциплинарном сообществе возникает из опыта пережитого и культивации личных воспоминаний ученых, передаваемых в контексте межличностных взаимодействий в повседневной жизни. Механизм передачи — устные рассказы в личных беседах и неформальной обстановке в небольших научных объединениях. Эти истории могут быть зафиксированы в интервью, мемуарах и письмах и охватывать жизнь 2–3 поколений. Их содержание — сообще-

ния о частных событиях, отличающиеся достаточной полнотой, пересказываемые участниками событий или их собеседниками.

Историческая память дисциплинарного сообщества создается исследованиями историков науки, являясь конвенционально реконструированной историей идей и деятельности ученых данной дисциплины. С начала XX в. этот вид памяти передается при обучении профессии: студенты проходят курсы истории своих дисциплин. Историческая память представляет собой упорядоченную последовательность важных открытий, их оценку и принятие научным сообществом; она излагается в энциклопедических статьях, учебниках и специальных исследованиях по истории науки.

При описании феномена исторической памяти научного сообщества мы будем исходить из следующих базовых положений.

- По глобальности охвата и причастности к ней ученых следует выделять культурную память научного сообщества в целом, историческую память дисциплинарных и национальных научных сообществ, коммуникативную память отдельных ученых, относящихся к научным школам, семинарам и небольшим объединениям.

- Каждый ученый причастен ко всем видам памяти, приобщаясь к ним в период социализации в научной группе.

- Коллективная память научного сообщества удерживает события ярко выраженного позитивного или негативного значения. Сообщество хранит воспоминания о пройденном пути дисциплинарного объединения, обеспечивая этим групповую идентичность.

- Выбор истории личности символического характера определяется запросом на определенное поведение, способствующее развитию научного сообщества.

- Место в исторической памяти не всегда соответствует прижизненному положению ученого. Память научного сообщества бережет воспоминания о тех, чьи действия преобразили дисциплинарную матрицу или имели исключительное значение для организации научного сообщества. Выдающийся ученый с персональной статьей в энциклопедии, упоминаемый в учебниках, не всегда становится героем легенд.

Следует понимать, что научное сообщество как познающий коллективный субъект, состоящий из социализованных профессионалов, воспринявших систему правил и норм ведения научной деятельности, есть не более чем удобный социолого-эпистемологический конструкт. В реальной научной жизни наблюдается множество дисциплинарных сообществ, делящихся в свою очередь на более мелкие объединения ученых, имеющих индивидуальное представление о когнитивных идеалах и этических нормах, об исторической картине науки.

Каков механизм отбора ученых в мемориал научного сообщества? Как возникает представление о значимости роли конкретного ученого, и как могут изменяться оценки его личности? Насколько осознанно научное сообщество формирует свою историческую память?

Отвечая на эти вопросы, надо учитывать направления творческой мысли ученых. Ведь историки науки занимаются именно анализом научной рефлексии и соотношением ее с известными научными открытиями. Ученые размышляют о концептуальном поле дисциплины, избирая предмет и методы исследования. Они думают о вкладе национальной школы в продвижение научных исследований. *Историческая рефлексия* позволяет оценить уровень развития дисциплины, сформулировать стратегическое направление ее развития, обозначить интересующую проблемную область. Как правило, последовательная историческая рефлексия отличает ученых, сделавших существенный вклад в свою дисциплину и вышедших за рамки «нормальной» науки. Самой логикой исследования они вынуждены переосмыслить концептуально-методологическую базу своей работы и наметить перспективу ее продолжения. По мере становления истории отдельных научных дисциплин и появления профессиональных групп ученых – историков науки и науковедов историческая рефлексия превратилась в самостоятельный вид познания. С этой деятельностью связано формирование долговременной исторической памяти дисциплинарных сообществ.

Каждый ученый оказывается носителем культурной памяти, выступающей своего рода коллективным бессознательным для его целенаправленной исторической рефлексии. Эта рефлексия может быть пробуждена как спонтанной коммуникацией, так и последовательными историко-научными изысканиями. И тогда исследователь активно собирает и передает значимые для дисциплинарного сообщества истории о людях и событиях.

Коротко схему формирования памяти научного сообщества можно представить так. Любой ученый как-то фиксирует свой личный опыт и пересказывает кому-то отдельные истории. Позднее его сообщения осмысливаются и становятся фрагментами истории дисциплины, отраженной в специальных изданиях. Со временем небольшая часть этого входит в культурную память научного сообщества в виде смутных образов и мифов.

История науки изучает конкретное содержание знания – происхождение, развитие и распространение идей в их хронологической последовательности. Сегодня формирование исторической памяти научного сообщества – это прерогатива историков науки, создающих биографии ученых и описывающих истории идей на основе воспоминаний современников событий. Они надолго закрепляют представление о значимости вклада того или иного ученого и дают оценку его деятельности в контексте эпохи. Историки науки собирают конвенциональный образ событий прошлого, впоследствии транслируемый при профессиональной специализации ученого.

В своих исследованиях историки науки руководствуются сложным набором целей. Поскольку история науки изначально обладает идентифицирующей функцией, исследователи при описании отечественных достижений подчеркивают их значимость для мирового дисциплинарного сообщества. Это иногда приводит к искажениям и гипертрофии действительного положения дел. Этому способствует и большая доступность именно отечественных источников, по сравнению с которыми зарубежные работы оказываются недостижимыми, малопонятными или вторичными. В итоге национальные противоречия могут распространяться и на историю науки. Мягким вариантом такого противостояния может быть игнорирование или преуменьшение научного вклада ученых из «чужого лагеря». В сильном варианте происходит намеренное искажение исторических событий.

В истории научного сообщества можно обнаружить устоявшиеся наборы сюжетов, и вместе они образуют структуру памяти. Субъекты научного действия становятся персонажами социальной и когнитивной истории.

Можно предложить следующую классификацию персонажей памяти научного сообщества, исходя из их роли и степени влияния.

- *Титаны* – их открытия привели к революционному перевороту в науке и в способе мышления. Они олицетворяют мировую или национальную науку. Это, например, Г. Галилей, И. Ньютон, Ч. Дарвин, А. Эйнштейн.

- *Демииурги* – создатели и оформители фундаментальных теорий непреходящего значения, стоявшие у истоков новых дисциплин. Их имена хорошо известны по выдающимся дисциплинарным открытиям. Для современной физики это Н. Бор, В. Гейзенберг, П. Шредингер; для неврологии – В.М. Бехтерев и И.П. Павлов; для химии – А. Лавуазье и Д.И. Менделеев.

- *Герои* – крупные ученые с особыми заслугами перед научным сообществом («заступники», «первопроходцы») или особым отношением к научной работе («вечные искатели», «жертвенники», «белые вороны»). Сохранение в коллективной памяти имен этих ученых связано с тем, что они своими поступками преподавали образцы должного социального и познавательного поведения. Так, вспоминаются неутомимые искатели истины – М. Фарадей, П. Эрлих, Н.И. Пирогов или борцы за этические идеалы научного сообщества – А. Гротендик и Г.Я. Перельман.

- *Антигерои* – значительные ученые, продемонстрировавшие социально вредное поведение, являющиеся отрицательным примером («злодеи», «разрушители»). Разрушители вредили научному сообществу, расстраивая его саморегуляцию и сбивая шкалу оценки научных идей (Т.Д. Лысенко, Э.Я. Кольман). Беспринципные злодеи ради карьеры проводили бесчеловечные эксперименты и безответ-

ственные исследования (Ф. Габер, Г.М. Майрановский, Й. Менгеле, Э. Теллер). Необходимость памяти о них столь же велика, как и о положительных героях, поскольку строгая оценка их жизни и труда предостерегает всех ученых, стимулируя обсуждение норм научной деятельности и нравственных пределов устремлений к истине и карьере.

В памяти научного сообщества сохраняются сюжеты о научном поиске, открытиях, распространении новых идей и научных конфликтах. Они собраны из описаний реальных, повторяющихся историй в жизни дисциплинарных сообществ. Будучи осознанными, они становятся памятными моделями поведения, хранимыми в культурном багаже ученых.

Основные характерные сюжеты памяти научного сообщества, представляющие наиболее воспроизводимое поведение, таковы:

- *научная инициация, посвящение в научную деятельность* – история написания работы или защиты диссертации, приводящих к изменению дисциплинарного социального статуса;

- *ученичество, испытание верности учителю* представляет примеры достойного и недостойного поведения, необходимые для понимания правил жизни научного сообщества;

- *страсти научного поиска, открытия, преодоление барьеров* – истории открытий дают понимание трудности пути обнаружения нового знания, сопряженной с преодолением когнитивных стереотипов и личностным ростом;

- *открытие, борьба за приоритет, признание* представляют процесс признания в научном сообществе, проясняют мотивы и стимулы научного труда, а также обусловленность науки социальным контекстом;

- *призвание, испытание, счастье реализации* раскрывают когнитивно-психологические мотивы научной деятельности и особенности научного творчества.

Когда в России возник интерес к истории научных дисциплин? Что побуждало ученых к занятию историей науки? Была ли здесь идеологическая составляющая? Когда началось целенаправленное создание исторической памяти отечественной науки?

В 1860–90-х гг. либерально настроенные ученые сформулировали особую идеологию, полагавшую науку и просвещение главными средствами общественного прогресса. При этом российское научное сообщество было политически поляризовано – от революционных настроений до консервативных. Но общим для всех ученых было наследие идеологии Просвещения, предполагающее главным средством прогресса и реформирования общества распространение образования и достижений науки. Позитивизм, либерализм, народничество и марксизм были сциентистски-ориентированными учениями. Придерживаясь разных взглядов на средства политического и социального преобразования общества, научная интеллигенция соединяла усилия, выступая как единая социальная группа, отстаивающая свои права и доказывающая свою полезность обществу.

Во второй половине XIX в. в связи с интенсивным развитием отечественной науки и расширением связей с европейскими учеными понадобилось осмыслить российский вклад в мировую науку. Это побуждало к исследованиям биографий выдающихся отечественных ученых, обычно приуроченным к их юбилейным датам. Русские переводы европейских книг по истории науки стали сопровождать очерки о российской науке. Российские ученые писали статьи по своим дисциплинам для словарей и энциклопедий, в т.ч. по истории своих наук. Особенно значимым стало издание Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона с 1890 по 1907 гг. В среде естествоиспытателей, убежденных в благодетельной силе науки, созрело мнение о необходимости популяризации науки и ее истории. Для обмена научными идеями и распространения научных знаний при университетах были созданы научные общества. Необходимость консолидации усилий подталкивала к организации научных объединений.

В 1905 г. был создан Всероссийский союз деятелей науки и высшей школы. В мае 1905 г. был проведен учредительный съезд, объединивший 14 профессионально-

политических союзов, в которые входили от 40 до 50 тыс. чел. [Ерман 1966: 101–102]. Инициатором Союза союзов стала либерально-политическая группа «Союз освобождения». Партийный состав этого объединения был широким – кадеты, октябристы, мирные обновленцы и большевики. Академический союз, по мнению А.Е. Иванова [Иванов 2003], был первым оппозиционным всероссийским научным сообществом. Его организатором был В.И. Вернадский, чье выступление в печати вызвало значительный резонанс в университетах. В союзе считали, что развитие науки и высшего образования в России важнее всякой политической борьбы.

В рассматриваемый период наиболее активным организатором и популяризатором науки был академик, профессор Московского университета, один из лидеров партии кадетов Владимир Иванович Вернадский (1863–1945). В 1914 г. по его инициативе была организована Комиссия по истории науки при Академии наук. Ее задачей было написание исторических обзоров научных дисциплин, а также истории самой Академии наук. Вернадский, выполняя свою часть работы, опубликовал «Очерки по истории естествознания в России в XVIII столетии». В этой статье он описал состояние историко-научных исследований в России и их значение для отечественных ученых: «...для меня стоит вне сомнений необходимость понимания русским обществом значения в истории человеческой мысли своей былой научной работы. Это необходимо не только для правильного самоопределения русским обществом своего значения в истории человечества, не только для выработки правильного национального чувства – это необходимо для дальнейшего роста и укрепления научной работы на нашей родине... На каждом шагу мы чувствуем тот вред, какой наносится дальнейшему научному развитию в нашей стране полным отсутствием научного понимания его прошлого, отсутствием в этой области исторической перспективы» [Вернадский 2010: 347–348].

Друг и коллега В.И. Вернадского историк и академик Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (1863–1919) поддерживал исследования истории русской науки и ее популяризацию. Он участвовал в многотомном издании «Истории России» на английском языке и сборника очерков «Русская наука» на русском и французском языках. Также он представлял Россию на международных симпозиумах (1903, 1908 и 1913 гг.), на собраниях Международного союза академий (1910, 1913 гг.). 25 февраля 1917 г. под руководством Лаппо-Данилевского была создана комиссия «Русская наука», готовившая публикации книг, знакомивших «с общим движением русской научной мысли и тем, что она внесла в сокровищницу человеческих знаний».

В 1921 г. В.И. Вернадский подал записку о необходимости создания комиссии по истории науки, философии и техники. Он указал, что в России отсутствует организация, содействующая изучению истории научной и философской мысли и научного творчества. В сравнении с Западом и Америкой, где есть много разнообразных научных обществ, занимающихся изучением истории науки, философии, техники, в России эта работа «распылена».

Академия наук поддержала проект, и в комиссию по истории науки вошли крупные ученые – В.В. Бартольд, В.И. Вернадский, В.М. Истрин, А.П. Карпинский, П.П. Лазарев, Н.Я. Марр, С.Ф. Ольденбург, В.А. Стеклов, Ф.И. Успенский. Комиссия активно заработала с 1926 г. Ею издавались сочинения крупных ученых и писателей, проводились выставки, посвященные памяти творцов научного знания. В 1926–27 гг. комиссия подготовила к печати сочинения М.В. Ломоносова, начала разбор рукописного наследия К.М. Бэра и В.О. Ковалевского, подготовила ряд работ по истории российской науки XVIII–XX вв. С 1927 г. по предложению В.И. Вернадского комиссия начала издавать «Очерки по истории знаний» и «Труды Комиссии по истории знаний».

Одним из активных коллег, поддерживавших В.И. Вернадского в практических изысканиях в области истории науки, был Александр Васильевич Васильев (1853–1929). В период работы в Казанском университете А.В. Васильев организовал и возглавил инициативную группу Казанского физико-математического общества, готовившую юбилейные торжества, посвященные столетию Н.И. Лобачевского. По предложению А.В. Васильева была учреждена премия Лобачевского, и орга-

низован международный конкурс в его честь. Он поставил вопрос о полезности истории науки отдельных народов и указал на ряд европейских государств, где уже создана национальная история науки, что позволило показать важный вклад ученых этих стран в некоторых дисциплинах, который прежде не учитывался мировым дисциплинарным сообществом¹. Незнание математиками одной страны истории успехов другой мешает развитию науки.

Еще одним активным помощником В.И. Вернадского был Макс Абрамович Блох (1882–1941) – химик и историк химии. Со времени стажировки в Германии М.А. Блох высоко ценил популяризацию научных знаний и поэтому охотно участвовал в проектах, направленных на распространение науки. В 1917 г. он организовал в Петербурге научное химико-техническое издательство и возглавлял его до 1938 г. М.А. Блох был ученым секретарем Комиссии по истории знаний при Академии наук с 1926 г. В 1929 г. он вошел в качестве секретаря в состав комиссии по истории химии при Русском физико-химическом обществе. Он также преподавал в педагогическом институте, где в 1932 г. организовал курс по истории химии. «Он попытался не только давать отдельные картины творческих достижений наших гигантов мысли... но и отыскивал и оставшиеся в тени имена скромных химиков старой России, внесших свои крупные труды в химическую науку» [Ферсман 1941: 118].

Исследования по истории науки важны для ученых, поскольку они считают необходимой широкою просветительскую работу, благодаря которой отечественная наука пополняется новыми талантами. Задача индустриального перевооружения советской России для своего решения требовала значительного прироста научно-технических кадров. Это способствовало тому, что в СССР с 1920-х гг. целенаправленно создавалась историческая память научного сообщества.

*Работа выполнена при поддержке грантов РГНФ
№14-13-73001 и №14-13-73002.*

Список литературы

Ассман Я. 2004. *Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*. М.: Языки славянской культуры. 368 с.

Вернадский В.И. 2010. *Очерки по истории естествознания в России в XVIII веке. – Избранные труды*. М.: РОССПЭН.

Ерман Л.К. 1966. *Интеллигенция в первой русской революции*. М.: Наука. 374 с.

Иванов А.Е. 2003. В преддверии кадетской партии: Всероссийский союз деятелей науки и высшей школы. – *Власть и наука, ученые и власть. 1880 – начало 1920 годов*. Материалы международного научного colloquium. СПб.: Дмитрий Булганин. С. 202–212.

Репина Л.П. 2003. *Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки)*. Препринт WP6/2003/07. М.: ГУ ВШЭ. 44 с.

Ферсман А.Е. 1941. Памяти Макса Абрамовича Блоха. – *Природа*. № 5.

¹ В советской России доминировала классовая оценка культуры, и отсутствовало прославление национальной науки. Идеологический запрос на отечественную историю возник в начале 1940-х гг., во время Отечественной войны, когда Советскому Союзу, сражавшемуся за выживание, потребовались вдохновляющие легенды о славном прошлом его народов.

BARANETZ Natalia Grigor'evna, *Dr.Sci.(Philos.), Associate Professor, Professor of the Chair of Philosophy, Sociology and Political Science, Ulyanovsk State University (42, L. Tolstogo St, Ulyanovsk, Russia, 432017; n_baranetz@mail.ru)*
VEREVKIN Andrey Borisovich, *Cand.Sci.(Phys.-Math.), Associate Professor, Ulyanovsk State University (42, L. Tolstogo St, Ulyanovsk, Russia, 432017; a_yerevkin@mail.ru)*
MARASOVA Svetlana Evgenyevna, *postgraduate student of the Chair of Philosophy, Sociology and Political Science, Ulyanovsk State University (42, L. Tolstogo St, Ulyanovsk, Russia, 432017)*

HISTORICAL MEMORY OF SCIENTIFIC COMMUNITY

Abstract. *The article is devoted to the analysis of memory of scientific community. The heuristic nature of the concepts of communicative, cultural, and historical memory of scientific community is proved for describing processes of formation of scientists' collective memory. The authors give a classification of topics replicable in the historical memory of scientific community and reveal the main types of its personages. Ideological prerequisites for researching Russian history of science are described. The role of V.I. Vernadsky and the scientists holding the same views, such as M.A. Bloch, A.V. Vasil'ev, A.S. Lappo-Danilevsky in the organization of studies in history of science is shown.*

Keywords: *memory of scientific community, historical and cultural memory of scientific community, historical reflexion, scientism, liberalism, scientific progress*

ВАСИЛЬЕВА Марина Юрьевна – *к.филос.н., доцент кафедры истории зарубежной философии МГУ им. М.В. Ломоносова (119991, Россия, г. Москва, Ломоносовский просп., 27, корп. 4; vasm204@rambler.ru)*

ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ В ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И. КАНТА

Аннотация. *В статье рассматривается проблема свободы в трансцендентальной философии И. Канта как один из фундаментальных вопросов его философствования. Идея свободы раскрывается как проблематическое понятие, выявляются ее специфические черты. Представлено кантовское решение проблемы свободы воли через принятие тезиса о «двойной точке зрения на предмет».*

Ключевые слова: *свобода, свобода воли, свободная воля, разумное существо, интеллектуальная причинность, автономия, гетерономия*

Идея свободы, согласно И. Канту, есть «ключевой, замковый камень свода всего здания системы чистого, даже спекулятивного разума» [Кант 1994б: 375], «трудная проблема, над решением которой тщетно бились в течение тысячелетий», вследствие чего решение ее вряд ли удастся найти «на поверхности» [Кант 1994б: 489]. Наиболее полная формулировка вопроса о свободе представлена Кантом в тексте работы «Критика чистого разума».

В разделе трансцендентальной диалектики об «умствующих выводах чистого разума» Кант, подчеркивая верность основоположений чистого рассудка о всеохватной связи всех событий феноменального мира согласно неизменному и законсообразному ходу природы, тем не менее вопрошает, «не может ли в отношении того же самого действия, которое определено согласно природе, существовать, несмотря на это, также и свобода, или же свобода совершенно исключена?...» [Кант 1994а: 414]. Далее следует конкретизация вопроса: «допуская в целом ряду всех событий одну только естественную необходимость, можно ли этот ряд, который, с одной стороны, есть исключительно результат природы, рассматривать, с другой стороны, как результат свободы, или же следует признать, что эти два вида причинности прямо противоположны друг другу?» [Кант 1994а: 416].

Таким образом, суть поставленной Кантом задачи заключалась в выявлении или же, наоборот, невыявлении противоречия между свободой и естественной необ-